

ЗНАКИ

АЛЕКСАНДР СОЛИН

Александр Солин

Знаки

«Автор»

2026

Солин А.

Знаки / А. Солин — «Автор», 2026

Я взглянул на небо. Там игла самолета тянула по голубому куполу белую нитку следа, словно пытаюсь сшить между собой два противоположных горизонта. Самая ранняя часть следа уже исчезла, как будто ее и не было, средняя часть расползлась, теряя связность и форму, а свежий след, четкий и ясный, еще хранящий тепло его турбин, все равно был обречен раствориться среди безжалостного холода высоты его полета. Как моя история, как моя память, как моя жизнь

© Солин А., 2026

© Автор, 2026

Александр Солин

Знаки

*Какие звезды, какая мысль и грусть
наверху - а внизу ничего не знают...*

В.Набоков

1

Где гаражи – там жизнь, где жизнь – там вожделенье.

Я сидел возле филевой части моей старушки-машины (Nissan 2001 года, бесшумный мотор, силиконовый ход) и вожделем под теплым солнцем на долгожданной апрельской земле, отделив от нее тонким слоем картона мой чумазый в серых яблоках комбинезон. Непобедимый крестьянский инстинкт, учуяв в воздухе необходимый градус и прозрачность, привел и усадил меня, за неимением пашни, посреди асфальтовых забот городской весны.

Я сидел и ликовал. Наступил, наступил, наконец, тот блаженный миг, когда ремзоной становится весь мир! Какими словами передать то состояние единения лохматого железа и его хозяина, когда вздернутая за бок машина пребывает в сладкой истоме, как дворовая собачонка, которой вдруг решили почесать ее беспризорное, грязное брюхо! Когда природа с детским любопытством заглядывает через плечо, наблюдая за колдовством сбитых, перепачканных нефтепродуктами пальцев, отдавая затылок и щеки чистым и свежим, как у ребенка, дыханием!

Какое это, поверьте, наслаждение – обложившись изощренным инструментом, копать в ржавых внутренностях твоего доверчивого друга! Какой это, вы не представляете, восторг – валяться среди молодой шаловливой пыли, подставляя лицо облетающим продуктам коррозии! Какое это, знаете ли, фундаментальное чувство – знать, что ты знаешь, что и как делаешь! Одно слово – кайф!

В тот день на заброшенной рядом с гаражами площадке кроме меня получали таким образом удовольствие еще несколько человек. Погруженные с головой в процесс демисезонного обновления, мы откручивали, закручивали, стучали, скоблили, красили, кряхтели, просили и давали друг другу инструмент и советы. Местный сторож, бормоча себе под нос, бродил промеж нас, собирая обнажившийся хлам и подбрасывая его в очистительный костер, без которого не обходится ни одна весна в нашей первомайской стране. Дым отечества стлался по площадке, наполняя наши чумазые ноздри незабвенным ароматом бывшего счастья первой любви. Легкомысленный ветерок таскал подсохшие клочки и обрывки бумаги от одного конца площадки к другому и обратно, словно добровольный почтальон их любовной переписки. Независимые и деловые, комочки и листочки шуршали мимо, огибая препятствия и ненадолго застревая среди прочего мусора. Случайное с виду сочетание живого и неживого, возникшее на затерянной в пространстве и времени площадке, включавшее апрель, меня, моих соседей, сторожа, наше движимое имущество, обрывки бумаги и прочий хлам, а также то микроскопическое, из чего всё это было создано, пребывало и действовало в полном согласии с законами мироздания, не имея ни малейшего намерения им противиться. Не удивительно, что над всем вышеперечисленным парили покой и порядок.

Оттого, видимо, что я и сам был частью этого порядка, мне почему-то не понравился возникший позади меня жестяной звук, похожий на тот, что производит бездомная шоколадная фольга, путешествующая по воле ветра. И хотя в самом звуке не было ничего необычного,

я извлек из-под машины свою лучшую часть с головой на конце, сел и разогнул спину. После этого обернулся, успев спросить себя, откуда здесь фольга и сразу же предположив, что ее вполне мог пустить по ветру один из присутствующих. И еще я подумал - на кой черт я отрываюсь от дела ради какой-то фольги.

Но вместо фольги я обнаружил рядом с собой квадратный кусочек самой обыкновенной газеты размером приблизительно пятнадцать сантиметров на пятнадцать с наполовину обгоревшими краями. Конечно, я слегка удивился тому, что бумага разговаривает не своим голосом. Это как если бы вас в спину окликнул ваш хороший знакомый: вы оборачиваетесь, а там, прищурив глаз, стоит незнакомый гражданин. Что и говорить – непорядок. Тут уж я уселся удобнее, расслабился и стал рассеянно смотреть на газету, фантазируя по поводу ее прибытия.

Видимо, в костре она оказалась по причине своего несчастливого места проживания, либо по злему умыслу сторожа. Попав в объятия огня, она вырвалась оттуда, только отдав ему часть самоё себя. И в этом была большая жизненная правда: пожертвовать частью, чтобы не потерять все. Даже если жертвование, как это чаще всего бывает, оказалось принудительным. Разумеется, знакомство с огнем не прошло даром, и теперь объятая дребезжащим ужасом бумага искала спасение, где придется.

Приблизительно такими умозаключениями попытался я вставить приبلудную гостью в строй дисциплинированных вещей. Рассеянные мысли о судьбе несчастного клочка бумаги привели меня, в конце концов, к праздному выводу о превратностях судеб людей, которые сами есть не что иное, как клочки бумаги на космическом ветру. Но поскольку печальная сторона философии тем и хороша, что лично нас не касается, то я, оглядев теплый мир и вновь ощутив уют, уже приготовился слиться с землей, если бы одна невольная подмеченная мною странность не остановила меня.

Станным было то, что прочие бумажки, как я уже говорил, сновали по площадке туда-сюда, как живые, то замирая, то возобновляя движение. Эта же, ничуть не лучше и не хуже других, лежала на открытом месте, как приклеенная, как будто ветер был не властен над ней, и тем самым по-прежнему не желала вставать в общий строй. Скосив глаза, я смотрел на обожженную гостью, совершенно уверенный, что еще чуть-чуть, и она поковыляет дальше. Бумага оставалась на месте. Я напрягся и, не моргая, уставился на нее, словно пытаюсь силой воли сдвинуть ее с места. Газета лежала неподвижно, как кусок асфальта. Откуда-то прибежал маленький грязный бумажный комочек, перекатился через нее, как заяц через кровать, и побежал дальше. Газетка не шелохнулась.

"Что за черт?!" – озадаченно подумал я и украдкой огляделся по сторонам. Народ вокруг трудился истово и вдумчиво, не обращая внимания на меня и мои трудности.

Я протянул руку, осторожно взял газету и положил ее на ладонь, обломав при этом несколько кусочков черного пепла. Бумага была легка и тверда. Я поднес ее ближе и рассмотрел.

Безусловно, она вовремя спаслась от огня, хотя тот все-таки успел ее как следует облизать. Пожелтевшая в центре, газета ближе к краям становилась желто-коричневой, потом просто коричневой, затем густо-коричневой и заканчивалась обугленными завитушками. Нижний край и сгиб не пострадали, и кусок газеты можно было даже развернуть. Оставшиеся в живых буквы чувствовали себя вполне прилично и, складываясь в объявления, продолжали приглашать на работу сантехников, сборщиков, монтажников, разнорабочих, системных администраторов, операторов, а также музыкальный коллектив для нового ресторана. Обещали зарплату, сообщали адреса, просили звонить по указанным ниже телефонам. То же самое - на обороте. То же - на развороте. Короче говоря, это была даже не газетка, а газетенка, какие нынче распикивают и раздают направо и налево всем желающим.

Первоначальное ощущение чертовщины обратилось в раздражение. Я закатил глаза и в незатейливых выражениях попросил прощения у неба за то, что трачу время на хрен знает что,

после чего легким движением руки послал кусок бумаги подальше. Бумага красиво спланировала и улеглась метрах в двух от меня. Я нырнул под машину и сразу позабыл о ней.

Когда пришло время уезжать и я принялся собирать и складывать в багажник свою походную мастерскую, взгляд мой снова наткнулся на газету. Та, как ни в чем не бывало, продолжала лежать на том самом месте, куда я ее отправил. Это было уже слишком. Я стоял и смотрел на наглое желтое пятно, не зная, как мне поступить. Сделать вид, что ничего не происходит? Неправда. Что-то происходит. И это что-то пялится на меня, как бельмо с глаза, словно говорит: возьми меня с собой. Взять с собой этот подзаборный мусор? Да чего ради? Только потому, что он странно себя ведет? Да мало ли кто и что странно себя ведет в этой стране! Да это все равно, что расписаться в дремучем невежестве и примитивном простодушии! Это мне-то, потомственному инженерно-техническому работнику и атеисту в третьем поколении!

Почти все водители суеверны в том, что касается дороги. Многие из них суеверны и в быту. Но встречаются исключения. Это те, кто ладят и с богом, и с гаишником, чудо называют феноменом, почтительно относятся к случайностям и признают коварную неизбежность совпадений. Может быть они не правы, может быть они неосторожно самоуверенны. Может быть. Однако я тоже был из их числа. А потому подошел и поднял загадочный листок. Осмотрев газетку еще раз, я небрежно бросил ее в развалы багажника, решив, что займусь ею на досуге.

Я был давно и прочно уверен, что все на свете имеет свое научное объяснение.

2

Несколько дней газета валялась в багажнике, все больше теряясь среди вещей, которыми был завален зад моего автомобиля.

Наконец я вспомнил о ней, отрыл и принес домой. Там я расправил ее, вложил в прозрачную тонкую папку, сел за стол и положил перед собой. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, пока я не спохватился и не посоветовал самому себе сходить к психиатру. В сердцах схватив газету, я поспешил на кухню, чтобы вернуть самоуверенный клочок на его законное место, то есть в мусорное ведро. Однако придя туда, я обнаружил, что по дороге мой пыл угас. Споткнувшись о собственную нерешительность, я вернулся назад, вложил газету обратно в папку, выдвинул нижний ящик стола и бросил ее в самую глубину.

Прошло три дня, прежде чем я вновь достал папку. Газетка важно посмотрела на меня через пластик, как музейный экспонат через тьму веков. Я вынул ее из папки и взял в руки. На ощупь она стала мягче и как будто добрее, а желто-коричневые разводы просветлели. В воздухе отчетливо запахло перегаром жженого мусора. Бумага, словно немой, пробравшийся в чистую постель бомж, не скрывала торжества.

“Ну и ну! – со злостью подумал я. - Лучше бы кошку подобрал или собаку!”

При всем моем рационализме и снисходительном отношении к невежеству, я не находил объяснения и потому неохотно мирился только с одним фактом жизни, а именно: когда случайно попавшая под задумчивую руку книга сама собой открывается на том самом месте, где находятся нужные в данный момент слова. Факт этот, по неоднократности своей переставший быть случайностью, имел для меня значение таинственной дверцы в иррациональные измерения, существование которых я допускал, но никогда не стремился постичь, поскольку там, где кончается логика, начинаются домыслы. Только этой досадной неясностью, омрачавшей всеобщую и нерушимую связь причины и следствия, можно объяснить, почему я нянчился с обнаглевшим куском бумаги, как перспективный кандидат наук с подозрением на артефакт. Держа в руках вполне материальный объект, малопривлекательный, но имеющий силу наваждения, я вдруг отчетливо понял, что наступил момент строить гипотезы. У меня сразу испортилось настроение, как это бывает, когда нужно потратить терпение и время на немилое дело.

“Если это... – глядя на газету, как на наказание, начал я и запнулся, не решаясь назвать слово, которое тут же поставит меня в один ряд с больными на голову. - Если это... ПОСЛАНИЕ, - наконец решился я, - то должен быть какой-то знак”

Итак, главное слово было сказано. И сразу стало ясно, что с того самого момента, как я услышал жестяной звук прилетевшей газеты, я оказался у нее в плену. От такого вывода глубоко внутри меня возник низкий тревожный звук и перепугал мирно спящих мурашек. Я почувствовал, что ступил на зыбкий подвесной мост, закрепленный с моей стороны за железобетонную опору здравого смысла, а другим концом – за бесформенную конструкцию, которую я раньше иначе как бредом не называл. И поскольку железобетон был еще рядом, я вцепился в поручни и выкрикнул в сторону густого тумана, который клубился в двух шагах от меня:

“Какое, к черту, послание? Почему мне? Зачем? За что? Не хочу!” - и снова вспомнил про психиатра.

В конце концов я успокоился и даже убедил себя в том, что сам себя загоняю в угол, поощряя гипноз добросовестных сомнений. Я взбодрился, принял ироническую осанку и, оглянувшись на нерушимую скалу жизненного опыта, решил:

“Что ж, подойдем к феномену по-научному”

После чего приступил к изучению объявлений, рассчитывая найти в них что-нибудь необычное. Но что, скажите, необычного может быть в таком объявлении:

“Крупная компания по продаже минеральной воды приглашает на работу оператора ПК. Ж., 25-35. Уверенный пользователь ПК. З/п от 9000 руб.”

Или такое:

“Фармацевтической компании требуется системный администратор. Муж., до 30 лет, высшее профильное образование. Опыт работы от года. З/п —10000 – 13000 руб. График работы сменный”

Остальные восемнадцать, по существу, были безликими вариациями на ту же тему. Решительно, в них не было ничего, что могло бы насторожить. Правда, одно из них я все-таки выделил за оригинальность:

“Агентство “Универсальные услуги” приглашает Деда Мороза, с опытом работы, крупного телосложения, рост 190”

Пожалуй, в этом что-то было. Дед Мороз в апреле. Необычно и настораживает. Хорошо, допустим, что это послание. Тогда, где тут знак? Дед Мороз? Рост? Но я не имел ни желаемого опыта работы, ни требуемых габаритов. Агентство? Я что, должен звонить по указанному ниже телефону, вслушиваться в интонации и пытаться уловить сбивчивый смысл в обычных словах? Но разве станет общаться по телефону тот, кто посылает письма таким оригинальным способом? А, может, мне тут же ответят: “Здравствуйте! Вы не ошиблись: это сумасшедший дом! А мы вас давно ждем!”

Еще какое-то время я честно пытался свести концы с концами, пока, наконец, не сказал себе, что если перестать валять дурака и рассуждать по-научному, то все объясняется очень просто: газетка оказалась на площадке осенью прошлого года, перезимовала там, а весной попала в костер, откуда мне ее принес ветер. Стало быть, это, действительно, послание. Послание огня и ветра. Все остальное - рефлексия моего неумного темперамента.

Нет. Хватит. Довольно интеллектуального мазохизма. Определенно я увлекся несвойственными мне фантазиями. И я решительно взял никчемный кусок газеты и зашвырнул его. Но не в мусорное ведро, а обратно в ящик стола.

Несколько дней я жил припеваючи, не думая о злополучном листке и наслаждаясь повседневными заботами. Какой прекрасной, оказывается, может быть жизнь человека, избавленного от общения с собственной глупостью! Какими изящными и точными движениями способно отвечать свободное тело на радостный полет независимой мысли! Как легко и просто могут рушиться преграды и строиться отношения! Короче говоря – нуу проблем!

Через неделю я, все-таки, уселся за стол и извлек газету. Приготовив насмешливую улыбку, чтобы поприветствовать поверженную напасть, я взглянул на нее и застыл: газета была чиста и невинна, как контрольная работа двоечника. Объявления исчезли, и это была плохая шутка.

3

Я не упал со стула только потому, что не поверил своим глазам. Отпрянув от газетки, я испуганно забормотал:

“Чегочегочего?”

Возникло желание протереть глаза. Подумал - вот сейчас протру их, как протирают запотевшие очки, и все пройдет. Но протирать не стал, а вскочил на ноги и отступил, продолжая глядеть на газету, пока не сообразил, что глаза ни при чем. Стал озиаться по сторонам, как делают, когда хотят позвать на помощь. Родные стены скорбно смотрели на меня, как на близкого родственника, которого увозят из операционной прямо в морг. Захотелось вдруг все бросить и убежать. Но не бросил и не убежал, а остался стоять на негнущихся ногах с опустевшей головой и полным отсутствием деятельных усилий.

Через какое-то время первый страх отступил, сморщенное самообладание вернуло меня назад и усадило за стол. Я сидел и глядел на обожженный силуэт, пока остатки скепсиса не заставили меня протянуть руку и осторожно взять папку за краешек, чтобы перевернуть ее. Этого требовала одна маленькая глупая мыслишка, чей слабый голос был слышен только благодаря тому, что все серьезные мысли в этот момент находились в глубоком обмороке. Она утверждала, что если на обратной стороне газеты объявления сохранились, то конфуз с лицевой стороной легко объяснить неизвестной химической реакцией от воздействия света на темное прошлое газеты. Мыслишка была и маленькая, и глупая, но метила в разряд спасительных. Я послушался ее и перевернул папку. Обратная сторона газеты глянула на меня пустыми берестяными глазами. И тут уж все шутки, даже плохие, закончились. Окончательно ошалевший, но не желающий сдаваться мозг заметался в поисках разумного объяснения, прежде чем бухнуться на колени и воздеть очи к небу.

“Дети. Нашли и подменили...” – первое, что пришло мне в голову.

“Но они ничего не знают про газету” – тут же возразил я сам себе.

“Может быть, подсмотрели или случайно нашли” – продолжал настаивать я.

“Но раньше они не подсматривали и не рылись в моих вещах” – возразил я в их защиту.

“Время идет - дети растут” – цеплялся я за ничтожную надежду, уже понимая, что для подобного своеволия нужно было воспитывать их совсем иначе.

“Нет. Невозможно. Да и не могли они так обработать газету в их возрасте” – окончательно отмел я подозрения от детей.

“Тогда, жена” – для порядку предположил я.

“Исключено!” – обрезал я безо всяких объяснений.

Других фигурантов не было.

“Тогда кто и зачем?” – паниковали мозги, в то время, как интуиция, словно собачка без поводка, уже успела забежать вперед и пометить то место, где разумные доводы кончаются. До него оставалось совсем немного.

“Но этого не может быть!” – в отчаянии возопил напоследок я, чувствуя, как трещат устои.

“Значит, может” – меланхолично ответили мне.

Если бы на моем месте оказался пытливый исследователь, он бы, конечно, повел себя совсем иначе. Он, безусловно, был бы рад такому происшествию. Да что там рад – с ума бы сошел от неизвестного счастья! Это же мечта всех сумасшедших – вступить в контакт со

сверхъестественным! А то, что бумажка имела к этому прямое отношение, не вызывало теперь сомнения. Да и к тому же сама шла в руки. Но почему ко мне? Ведь я не был пытливым исследователем и никогда не стремился к сомнительным контактам во имя науки! Мне было достаточно того, что таинственная дверца существует, однако я вовсе не горел желанием знать, куда она ведет. “Меньше знаешь – лучше спишь” – вот девиз человека разумного, тем более что все, что мне нужно я уже знал. А потому чувствовал себя сейчас конюхом, у которого заговорила лошадь, рыбаком, у которого на глазах пересохло озеро, патологоанатомом, присутствующим при незапланированном воскресении. Одним словом - несчастным, которого неизвестная сила оторвала от земли, отчего он болтает скрюченными ногами в воздухе, пытаясь найти им опору. И тут моим смятенным мозгам их трезвеющая часть подсунула консенсус.

Я вдруг вспомнил, как в раннем детстве искренне верил, что Дед Мороз, который приносит подарки - настоящий. Вспомнил, как улыбались родители моим детским ликованиям. И как потом, через годы уже сам снисходительно оберегал наивность моих детей. Как удивлялся непостижимым выкрутасам всемогущей природы, которая дает человеку возможность пожить в доброй сказке, перед тем как окунуть в дерьмо жизни. Но почему бы тогда не предположить, что в природе существует кто-то, для кого мы по-прежнему остаемся детьми, даже когда становимся взрослыми? Кто многократно старше и умнее нас, как бы мы ни пыжились! И кто в отличие от сказочного Деда Мороза может дарить совсем другие подарки! Может, этот кто-то наблюдает сейчас за мной, как за неразумным дитём и так же снисходительно улыбается! Можно такое предположить? Легко. Ввести, так сказать, в формулу реальности мнимую величину с обратным знаком.

Исключительно в целях восстановления внутреннего равновесия. Учитывая необыкновенный, без преувеличения, характер ситуации. Будучи против собственной воли припертый обстоятельствами. Находясь, вне всякого сомнения, в крайне щекотливом положении. Принимая во внимание, что деваться некуда.

Если бы еще их Дед Мороз рассказал, что я должен делать с его подарком...

“Что ж, пусть будет так” – наконец согласился я на уговоры конформиста-разума, не спеша расслабляться.

Кстати - почему мне в голову пришло объяснение именно с Дедом Морозом? Случайно? А нет ли тут связи с объявлением про опыт работы, рост 190 и все такое? А если есть? Если это намек? Значит, знак скрывался именно в нем? И что же это за знак? В чем он мог заключаться? Но ведь я хорошо помню то объявление: нехитрый набор слов. Выбирать особенно не из чего. Но ведь что-то в нем было? Ну, конечно было! Номер телефона, черт возьми, вот что было! Таким мелким шрифтом! Ведь я его сразу приметил! Как же я не догадался его записать! Ах, какая неприятность! Ах, какая досада! Ну, что тут скажешь! Надо же так оплошать! Люди, понимаешь, рассчитывают на мою сообразительность, ждут моего звонка, а я сижу тут и хлопаю глазами, как Катя на реферате! И что они теперь станут думать обо мне?! Да теперь уже ничего! Потому всё и стерли, что не захотели иметь дело с таким тупым и упертым экземпляром!

Хотя, стоп! Не так быстро! Какие люди? Чего ждут? Какого звонка? Ты куда, парень, разогнался? Откуда, вдруг, такая потребность в энтузиазме? Ведь ты только что сидел ни жив, ни мертв и мечтал сбежать! Или ты уже попал под чужое влияние?! Ты меня пугаешь, парень! И потом, вовсе не факт, что ответ нужно искать именно в этом объявлении! Мало ли их там было! А, может, все они имели значение! Может, был какой-то общий ключ!

Я сидел и возбужденно беседовал сам с собой, чего со мной раньше никогда не случилось. Взгляд мой при этом, как верный слуга в разграбленном доме, потерянно бродил среди разрушенного порядка, не находя успокоения и изредка останавливаясь на виновнике происшедшего - газетном листке. Тот по-прежнему лежал передо мной на столе. Я так и не решился извлечь его из папки. Хотя, какое это имело теперь значение. Объявления исчезли, и с ними – приглашение в страну, лежащую по ту сторону тумана. Приглашение, которого я не принял.

Высокая тайна коснулась меня своим крылом, как бабочка в мимолетной прихоти извилистого полета и, не найдя веских оснований для знакомства, продолжила свой путь.

Короче – не глянулся я ей.

Как ни странно, но я подумал о несостоявшемся знакомстве с сожалением. Больше того: самолюбие мое было уязвлено. Это что же такое получается? Не слишком ли круто ребята забирают? Вот так, с ходу, поставить на мне крест, не делая скидку на естественный процесс размышления и разглядывания? Я им что, предзакатный карась, готовый клевать на голый крючок? Или бальзаковская дама, готовая по темному зову организма вручить свою честь в смутные руки проходимца? Или усталый путник, спешащий на зов первого попавшегося огня? Что они там себе вообразили?

Меня, наконец, прорвало, и многометровая волна раздражения, словно цунами, смела на своем пути недавние страхи и сомнения, а также продукты их распада. На освободившемся пространстве, трясая мокрой головой, вставал униженный разум. В очистительном порыве я, не раздумывая, выхватил из папки листок, желая выместить на нем мои переживания. До меня донесся знакомый запах гари. Газетка съежилась и притаилась в ожидании конца.

“Тоже мне – верительная грамота!” – расправив плечи и подмигнув кактусу на столе, злорадно усмехнулся я и машинально развернул сложенную газету.

“Верю, потому, что сплю. Знаю, потому, что ошибаюсь. Надеюсь, потому, что обречен” – было написано на ее развороте.

4

Онемел кактус. Примолкли вещи. Поперхнулось время. Мир съежился до размеров грязного газетного листка. Таких размеров, наверное, была вселенная, перед тем, как взорваться. В центре листка – ровный строй колченогих букв, не ведающих своего уродства. Аборт слова, фальстарт мысли, язык междометий, словарь заик, история изумлений – вот что записано в их паспорте. Черные узурпаторы радуги, лстивые завистники вдохновения, клавиши, мечтающие быть звуком. Буква и слово – злорадный союз кирпича и крыши.

Но где же привычная геометрия наружных объемов и форм? Где томительное волнение белой занавески, сдерживающей дыхание за мужественной спиной окна? Где тот голубой прохладный воздух, что кутается в нежаркий свет апрельского солнца? Где тот одинокий след аэроплана, что скользит, словно бретелька по круглым плечам небес? Куда делся разворот неба над беспечным стремительным городом? Отчего онемела стереофония его улиц? Всё рухнуло и всё возродилось, и всё стало другим...

Высокая тайна оказалась терпеливее, чем я полагал и, видно, всерьез решила включить меня в свои планы. А что же я? А ничего. Беспомощнее состояния, чем мое было трудно себе вообразить. Благоговение, страх, тревожное любопытство, дурные предчувствия и еще с десяток смутных позывов смешались во мне в безвольную кашу, не позволяющую ни одному из возникших чувств завладеть моим поведением. Да и как могло быть иначе? Одно дело – пропавшие объявления, чему я, рано или поздно, придумал бы причину, и совсем другое – слова из воздуха! Вот это был феномен так феномен! Его очевидность и убедительность равнялась последствиям сквозного ранения в сердце! Причем, я был сражен вовсе не их смыслом, который был от меня еще где-то за версту, а самим фактом их появления.

Существует немало способов испортить человеку настроение или даже жизнь. И это мне понятно. Это – по-людски. Это – святое. Тут хотя бы знаешь, куда и как огрызнуться. Но чтобы вот так! Чтобы приковылять невесту откуда и знать, что подберут! Чтобы затеряться в багажнике и знать, что найдут и не выбросят! Чтобы валяться в ящике стола, ухмыляться и знать, что рано или поздно достанут и прочитают! Чтобы достали, прочитали и сидели потом с отупевшим лицом, не в силах пошевелиться ни морально, ни физически, докатившись до такого

состояния по собственной, можно сказать, инициативе! И это там, где девяносто процентов мужского населения, повертев бумажку в руках, не задумываясь, сказали бы: “Не понял! Это что, блин, за фигня такая?!” После чего попросту про нее забыли бы и пошли пить водку. Потому, что это вам не денежный перевод и не анонимка по поводу измены жены.

Но главное коварство заключалось в том, что даже если бы теперь я очень захотел порвать, сжечь, уничтожить, забыть и никогда не вспоминать этот грязный, невзрачный, непонятно почему для такого дела выбранный, такой же несуразный, как и сам способ общения бумажный мусор - мне бы вряд ли это удалось: внутри меня уже образовался нестираемый, незабываемый след, как после падения тунгусского метеорита на беспечную тайгу. Поздно. Теперь я ЗНАЛ, что ОНИ есть, и от этого ОНИ могли вертеть моей впечатлительной натурой, как парусом!

Я сидел, как обкуренный дурак, совершенно не представляя, чего ждать и как вести себя с теми, кто мною рулил, потому что невзрачный желтый клочок, который они мне подкинули, означал могущество, несравнимое с тем, что я знал до сих пор. Это не было насильно делегированное и навеки отчужденное могущество, которое зовется государством и покоится на абсолютном праве быть неправым. Это не был грозный ропот непокорных, составленных в колонны канонами веры. И не тайная власть, порожденная принадлежностью к корпорации беззакония, которая греет людей слабых и мстительных. И не бритоголовое могущество среднего радиуса действия, которое покупается за деньги и о котором мечтают на своих кухнях миллионы. И уж, конечно, не прищуренная власть веселого негодяя с кастетом в руке! Со мной, не теряя терпения и надежды, пыталось общаться истинное Всомогущество, невидимое и беспредельное! Не спрашивая и не церемонясь, оно крепко держало меня под ослабевшие руки и, внимательно глядя с четырех сторон, ожидало, когда я сделаю первый шаг, чтобы двинуться вместе со мной к необъявленной цели. Я впервые в жизни по-настоящему ощутил, как ничтожен человек и вострепетал.

О, это был настоящий трепет! Трепет самого высокого качества! Трепет он лайн! Как театр Шекспира! Как президентское послание! Как секс по телефону! В сильном возбуждении я вскочил и заметался по комнате. Я шарил глазами по сторонам, словно вспоминая место, куда спрятал нечто важное. Подбегал к окну и упирался далеким взглядом в отведенный мне кусок неба. Открывал рот, желая что-то сказать, и беспомощно закрывал его, не находя нужных слов. Я то втягивал голову в плечи, будто пытаюсь спрятаться от рокового грядущего в тихой гавани прошлого, то выпячивал грудь и отпихивал от себя невзрачное былое, виновато извиняясь за него перед грандиозным будущим. Мурашки, сбиваясь с ног, толпами носились по мне, меняя направление в зависимости от того, кто их в данный момент направлял – страх или восторг.

Набегавшись вволю, я вернулся к столу и приступил, наконец, к тому, что было сейчас гораздо важнее - к трезвым размышлениям. Пришлось потратить время, чтобы собрать разбежавшиеся по углам мысли. И вот какой расклад я зафиксировал в результате:

Первое. Судя по всему, я находился в здравом уме и твердой памяти. Хотя, возможно, и нет. Необходимо проверить на жене и детях. Особенно на детях. Детей не обманешь.

Второе. Со мной обращаются довольно лояльно. Угроза жизни пока отсутствует. Хотя, вовсе не исключено появление инструкций вроде “Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что”. И уж тогда я шею, точно, сломаю.

Третье. Вопросы “кто” и “зачем”. Первый – риторический, второй – конечно, интересный. Вопрос “почему я?” мы отложим до прояснения их главной цели – погубить или возвысить. Вот тогда и узнаем - зачем.

Четвертое. Деньги и знакомства, если бы они у меня и были, здесь не в счет. Защиты искать не у кого и негде. Если только в сумасшедшем доме. Но, думаю, не спрячусь и там.

Короче говоря, расклад исключительно простой: за меня – только я сам, всё остальное – против.

Сделав такой вывод я, как ни странно, успокоился. Мыслительный процесс сосредоточил мой взгляд, прогнал краску с лица и остудил пожар чувств. Возбуждение испарилось, а на его месте широко раскинулась усталость в обнимку с безразличием.

“Ну и пусть. Пусть делают, что хотят. Пусть что хотят, то и делают. Что я могу... ничего... не могу... пусть... делают... пусть...” - капало в голове, как из худого крана.

“Детей жалко... Жену жалко... Сестру жалко... Племянников жалко... Как они без меня... Что с ними будет...” - тихо горевал я.

Пережалев всех и вся, я вновь переключился на великого и могучего инкогнито.

“И чего прицепились? Чего хотят? Какой им от меня прок? Что с меня возьмешь? Мало им, что ли, других? Ведь полно же всяких академиков, профессоров, докторов наук и прочих сумасшедших! Что они там, у себя, придумали? Кому и зачем нужно гробить мою сравнительно молодую жизнь?!” - гонял я по кругу одни и те же вопросы. В бессильном недоумении я скорбно мотнул головой и зацепился взглядом за газетку.

“И ведь что обидно: не подними я тогда эту чертову бумажку – жил бы сейчас, как все!” – тут же окрысился я на нее, как на первопричину моих будущих бед.

Газетка лежала, развернув передо мной две свои половинки, как две ладони. С того момента, как она вывалилась из моих потрясенных рук, я к ней ни разу не притронулся. И теперь я только слегка подался вперед и стал разглядывать ее, как будто видел впервые. Ну, что тут скажешь – мусор, да и только! Возможно, на помойке она бы заняла скромное и достойное место не из последних, но ее присутствие на столе среди приличных вещей давало повод любой домохозяйке думать о своем домохозяине все, что угодно, не стесняясь при этом крепких выражений. Ну, например: “Какой дурак принес в дом эту грязь?!” Вместе с тем, у непосвященных бумажка могла даже вызвать жалость, как убогий бомж у чистых людей. Тоже мне – две почерневшие, усталые, натруженные ладони...

Что же отправитель сего хотел выразить ее внешним видом – смирение или презрение? Как узнать, что это: неожиданный дар или черная метка? Повестка или приглашение? А, может, все не так уж и грустно? Может, я зря переполошился? Может, поиграют и отпустят? Или погубят? Или возвысят? Кто знает? Кто ответит? Не может быть, что я единственный, кто оказался в таком положении! Обязательно есть другие. Только где их искать? Не приставать же к людям с вопросом: “Извините, вам не приходилось подбирать с земли обгоревшие бумажки?” Конечно, наступит день, когда все станет ясно. Или ночь? Или год? Но как этого дожидаться, если уже сейчас не вмоготу!

“Что они там, в конце концов, пишут в этой своей бумажке?!” – вдруг заторопился я, словно надеясь тем самым подстегнуть ход событий.

“Так, что там у нас? Ну, верю... Ну, сплю... Верю – сплю... Ладно, согласен. Кто верит, тот и спит. Ну и пусть спит дальше. Так, знаю... Так, ошибаюсь... Ошибаюсь, что знаю... Почему бы и нет? Надеюсь, потому что обречен... А я надеюсь? Вроде, да... Значит, обречен? Обречен. Забавно получается! Выходит, лучше, когда ни веры, ни знания, ни надежды? Ладно, ловлю вас на слове и обещаю: впредь я ни во что не верю, ничего не знаю, ни на что не надеюсь! И не вздумайте сказать мне, что я сплю, ошибаюсь и обречен!”

Нисколько не удивившись той лихости, с которой было покончено с мудрой мыслью, я гордо раздвинул плечи, откинулся на спинку стула и оглянулся по сторонам. Тишина окружала меня.

“Ну, что притихли? Принимайте очередного идиота! Я в игре!” – обнаглел я, совершенно не заботясь, каким образом донести эту новость до моих кураторов.

Я выждал некоторое время, прислушиваясь и не отрывая глаз от бумажки. Ничего не произошло.

- Эй, как вас там! Извините, не знаю, как величать! Я готов! – нахально обратился я к тишине.

Тишина молчала.

- Так что мне делать дальше? – уже не так уверенно спросил я.

В ответ ни звука.

Хотя, что я надеялся услышать? Голос из тумбочки или с небес? А как же они собираются со мной общаться? Через газетку? Мысленно? Надеюсь, им хотя бы известно, что делается у меня в голове? Ну, чего молчите? Да, нахлебаюсь я с этим всемогуществом! А, главное, непонятно, в какую сторону гавкать!

5

Охваченный безрадостными мыслями, один в пустой квартире, я еще долго ждал какое-нибудь сообщение или знак того, что мои намерения поняты и приняты. Почему я решил, что ОНИ обязательно это сделают, я не знал и сидел, привыкая к новым ощущениям и поглядывая то в окно, то в газетку.

Ожидание затягивалось, и внутри меня вновь возникло беспокойство. У беспокойства не было ни имени, ни адреса, ни лица, ни взгляда. Смутное, как говорят в таких случаях, оно принялось бродить по организму и дотрагиваться холодными пальцами до его важных частей, словно знакомясь с местом нового проживания. Я опять вскочил и заходил по комнате.

"Ну, теперь этому конца не будет! Это никогда теперь не кончится! Жди теперь, когда они сообразоволят! Надейся на их милость! Да кто я для них? Букашка! Поставили в очередь и треплют нервы! Постоянно чего-то ждать, на что-то надеяться – это, что ли, теперь моя новая жизнь?!" - бубнил я, разбавляя свою речь распоследними словами.

В этот момент хлопнула входная дверь, и послышались голоса. Пришла жена и привела детей. Я подбежал к столу, схватил газетку, запихнул ее в папку и забросил в ящик. После чего глубоко вздохнул, приоткрыл дверь и выглянул в прихожую.

- Привет! – сказал я.

- Ты уже дома? – удивилась жена.

- О, папа уже дома! – сказал десятилетний сын.

- Ура! Папочка уже дома! – обрадовалась дочь восьми лет.

- Привет! – снова сказал я и спрятался в комнате.

- У тебя что-то случилось? – спросила жена, когда я, наконец, попал ей на глаза.

- С чего ты взяла? – сделал я удивленное лицо.

- У тебя такой вид...

- Какой? Как у ненормального? – с надеждой спросил я.

- Да нет. Просто ты какой-то озабоченный.

- А-а, ну, есть немного... Что-то в машине застучало. Ты же знаешь, как я переживаю из-за таких вещей.

Жена с сомнением посмотрела на меня и ничего не сказала.

Сели ужинать - моя жена, сын десяти лет, восьмилетняя дочь и я. За ужином жена пыталась узнать у сына как дела в школе, а тот, как всегда, ловко уходил от ответа. Наверное, я был рассеян и реагировал невпопад, когда жена обращалась ко мне за поддержкой, потому что дочь, вдруг, громко спросила:

- Папа, а почему когда люди врут - они глазами не моргают?

- Наверное, им так удобнее, - смутился я. - А почему ты спрашиваешь?

- Просто так, - ответил ребенок, внимательно глядя на меня.

Жена с сыном прекратили перепалку и обратили на нас свои взоры, пытаясь, видимо, понять, к кому из присутствующих могло относиться данное замечание. Мы с женой переглянулись, я повернул голову к сыну и сказал:

- Ну-ка, Андрюха, хватит финтить! Отвечай матери, как положено!

- А чего я? Ничего я не вру! – заволновался сын. И добавил в сторону сестры: - А ты не очень-то умничай, кукла с бантиком!

- Ты как с сестрой разговариваешь! – накинулась на него мать. - Ну-ка, ешь и быстро за уроки! Кому сказала!

- Все равно я все знаю, - важно произнесла дочь и посмотрела на меня большими, как у матери, глазами.

- Что ты знаешь? – снова смутился я.

- Все, - отодвигая тарелку, ответила дочь. - Только вы меня слушать не хотите.

И вылезла из-за стола.

- А спасибо где? – только и смогла сказать жена.

- Спасибо, мамочка. Спасибо, папочка. Спасибо, Андрюша, - важно сказала дочь и ушла к себе в комнату.

Мы с женой проводили ее глазами и снова переглянулись.

- Что это с ними сегодня? – озадаченно спросила жена.

- Растут дети, - нерешительно ответил я.

- Больно быстро растут, - поджала губы жена.

- А я чего? Я, что ли, их этому учу?

- Нет, я! – обиделась жена и ушла из кухни.

Мы с сыном остались вдвоем.

- Ну, вот. Обиделись наши женщины. Бросили нас на произвол судьбы. Как мы теперь без них? Пропадем, - взъерошил я волосы сыну.

- Не пропадем. Сейчас я на кухне приберу и вымою посуду, - отвечал сын, строго глядя на меня большими, как у сестры глазами.

Я посмотрел на него с изумлением.

- Ты?! Посуду?!

- Да. Чтобы не говорили, что я вру.

- Да никто и не говорит, что ты врешь! - запротестовал я.

- Тем более! - многозначительно обронил сын и загремел посудой.

Мне оставалось только уползти в другую комнату, удивляясь на ходу своим внезапно поумневшим детям.

Весточки от моих новых друзей (или врагов?) в этот день я так и не дождался. По правде говоря, я плохо представлял себе, как это должно было произойти, но на всякий случай украдкой доставал время от времени газетку и внимательно осматривал ее, надеясь обнаружить характерные изменения. С той же целью я отвернул на сто восемьдесят градусов от звездного неба мой мысленный взор и поручил ему сторожить появление внутри меня необычных ощущений и мыслей. Нечего и говорить, что рассеянность и немногословие, которые я демонстрировал в этот вечер, сделали мое поведение крайне подозрительным в глазах жены, что легко читалось на ее лице в моменты наших хаотичных встреч.

Наконец она не выдержала и спросила:

- Ну, так что у тебя случилось?

- Ничего! – шарахнулся я от нее. - Ей богу – ничего!

- Да что я не вижу, что ли? Ты сегодня сам не свой!

- Ну, конечно! Не свой, а твой! – отшутился я и на всякий случай поцеловал ее в щеку.

Она отвернула недовольное лицо и снова взглянула на меня, глазами требуя ответа.

- Ну, ты права, права. Ничего от тебя не скроешь. Да, есть немного. На работе небольшие сложности. Ничего серьезного. Завтра рассосется. Не волнуйся. Да и голова что-то потрескивает... Устал, наверное...

Последнее было истинной правдой. Устал. А голова так просто раскалывалась. Вряд ли я обманул жену, но она сделала вид, что поверила.

- Ложись сегодня пораньше и не смотри на ночь телевизор, - сухо распорядилась она.

- Да, да! Конечно! – поспешил согласиться я и попытался чмокнуть ее в щеку. Жена снова уклонилась и ушла от меня до конца вечера.

Я в который раз подивился женской проницательности. Вот настоящий феномен! Недаром великая тайна выбрала подопытным кроликом меня, мужика. Только нас, мужиков можно взять на фу-фу. Женщина была бы ей не по зубам. Потому что женщина обладает непобедимой интуицией, которая компенсирует все ее слабости. Пожалуй, зря я решил, что мне некому помочь. Сгоряча я забыл про жену.

Прослonyaвшись по квартире еще с полчаса, я зашел попрощаться с детьми и, наконец, поплелся спать.

Так закончился этот исторический день - день неожиданных открытий и незапланированных потрясений, день потерянных шагов, необъявленных планов и несостоявшихся знакомств.

6

Среди ночи я встал с постели и подошел к окну.

На крыше соседнего дома лежала полная белая луна. Тюлевая занавеска, как лунная вуаль жеманно вздыхала под упругими ласками прохладного воздуха. Я отодвинул ее и обнаружил, что одна створка окна открыта.

"Кто открыл окно? Ведь на дворе апрель!" - с укором спросил я луну.

В ответ луна вдруг стала синей.

"Но луна не бывает синего цвета!" – воскликнул я.

В ответ луна покраснела.

"И красного тоже!.." – прошептал я.

"Тот, кто живет у открытого окна - рано или поздно..." – произнес чей-то голос рядом со мной.

"Что?! Что – рано или поздно?!" – заволновался я и... открыл глаза.

Я лежал на своей кровати, подсунув руку под подушку и отбросив одеяло. В комнате было тихо, за окном уже рассвело. Рука под подушкой онемела, я вытащил ее и принялся растирать, с трудом соображая по поводу утреннего сна. В голове ожили события вчерашнего дня. Забыв про затекшую руку, я сел на край кровати, прислушиваясь, как мои внутренние войска спешно занимают оставленные на ночь позиции. Просидев ровно столько, сколько нужно, чтобы привыкнуть к испорченному на весь день настроению, я посмотрел на часы, влез в мятые штаны и выполз на кухню. Включил чайник, сел на табурет у окна и стал смотреть с четвертого этажа на мир.

Если ничего не случится, то через полчаса где-то там, далеко за городом, покажется солнце. Готовясь к его появлению, небо на горизонте сгустилось до белого, чтобы хоть как-то прикрыть серые улицы, грязные крыши и черные, худые, как после тяжелой болезни тела деревьев. Молчаливые дырявые дома стояли плечом к плечу, старательно скрывая хитросплетениями плоскостей честную кривизну земли. Горячий дым из трубы ближайшей котельной спешил раствориться в прохладном утреннем воздухе, на ходу повествуя о пережитом ужасе. В свою очередь, нагретая им до ненормального состояния вода, толкалась в узких трубах отопления, проклиная тех, кто превратил ее, колыбель жизни, в пошлый теплоноситель. Сама же жизнь, в виде ее отдельных сгорбленных представителей уже начинала заполнять жизненное пространство, имея перед собой простую, как у комара, цель: напиться и произвести потомство.

Задрав голову, я пошарил глазами в небесах и наткнулся на умирающий блеск луны. В голове сами собой всплыли обрывки сна. Какой странный сон. Разноцветная луна. К чему бы это? Открытое окно. А это зачем? Помню - я что-то сказал, а что сказал – не помню. Снится черт знает что. Не мудрено – после всех этих потрясений. В подтверждение моих мыслей

чайник сердито фыркнул, шелкнул выключателем, и я стал заваривать чай. Чтобы не клевать носом, я залил два пакетика. Пока чай настаивался, я продолжал размышлять, и размышления текли без всяких усилий с моей стороны.

Всю нашу жизнь, думал я, мы существуем среди объектов и субъектов, на которые мы по необходимости направляем или не направляем наши мысли и наши действия. А они – на нас. Вариантом здорового безразличия можно считать такое состояние внимания и ума, когда занимаясь кем-то или чем-то в отдельности, мы только на них и сосредоточены. Хуже, когда мы заняты кем-то или чем-то одним, а голове нашей не дают покоя другие. И совсем худо, когда что бы мы ни делали – в голове, как гвоздь, торчит один и тот же субъект или объект. И тогда добродушный доктор с молоточком в кармане готов принять нас, чтобы узнать, как мы дошли до жизни такой. К чему это я? А к тому, что мысли мои в то утро неизменно натывались на один и тот же гвоздь. Нетрудно догадаться – какой.

Конечно же, я первым делом проверил газетку – нет ли в ней чего нового. Нового не было, а старое я посчитал делом прошлым. Конечно же, я тщательно обшарил стол и другие горизонтальные поверхности в расчете на новые артефакты. Новых артефактов не было. Да и что считать артефактом? По большому счету артефакт – это надпись “Иванов – дурак” на древней амфоре, найденной на дне лунного моря. Не думаю, что я мог на такое рассчитывать. Тогда что? Где знаки? Где сообщения? Где поползновения? Не иначе решили уморить ожиданием. Если к этому добавить пытливые взгляды жены, которые она принялась бросать на меня с утра пораньше, то можно представить мое состояние. Хреновое, прямо скажем, состояние. Тем не менее, я изо всех сил изображал беспечного мужа.

Жена разбудила детей. Квартира наполнилась голосами. Маленькие человечки, досыпая на ходу, задвигались у нас под ногами, подгоняемые материнскими указаниями. Я невольно прислушался к звуковому сопровождению воспитательного процесса и с удивлением подметил, что голоса моих детей вовсе не похожи на невинное, как мне казалось раньше, щебетание, а имели ярко выраженный характер упорного игнорирования. Сын ворчал и огрызался, почти как я сам, а дочь отвечала капризно и раздражительно, почти как ее мать. Складывалось впечатление, что не они у нас путаются под ногами, а мы у них.

- Ну что, – бодро сказал я, когда жена и дети собрались в прихожей. – Кто со мной до школы?

Все трое молча взглянули на меня, а потом жена сказала:

- Вот и хорошо. А я тогда побуду еще дома.

Мы поцеловали ее, каждый по своему, и отправились в путь. Когда мы проходили мимо котельной, дочка вдруг спросила:

- Папа, а дым горячий?

- Горячий, горячий! – опередил меня сын.

- Папа, а луна горячая?

- Холодная, холодная! – снова не дал мне открыть рот сын Андрюха, десяти лет от роду.

- А если дым долетит до луны, ей будет тепло?

- Ну ты, Светка, даешь! Чему вас только в школе учат! Луна-то вон где! Как же дым до нее долетит! – потешался брат над сестрой.

- Долетит! – упрямо сказала дочь.

- Да откуда ты знаешь?

- Знаю!

- А я вот читал, что кто знает – тот ошибается! – рубанул вдруг сын.

- Чегогочего?! – как громом пораженный, остановился я. – Где ты это читал?! Ну, говори!

- Не помню... – испуганно глядя на мое перекошенное лицо, ответил сын. – В какой-то книжке...

- В какой книжке?! Где ты ее взял?! У меня в столе?! – заорал я, приходя в себя.

- Да нет, пап! Не брал я у тебя ничего в столе! - задрожал голос сына.

- Как – не брал? А откуда ты про это знаешь?

- Да ничего я не знаю! Просто вырвалось само, и все!

Как ни был я взбешен и одновременно испуган, но увидев в его глазах слезы, опомнился.

- Ну, ладно! Извини, Андрюха, извини! - заговорил я, ерзая ладонью по плечу сына. - Я не хотел. Извини. Конечно, есть такая книжка. Я тоже ее читал. А ты молодец. Молодец, что такие книжки читаешь. Я в твои годы еще только про старика Хоттабыча читал, а ты уже, оказывается, вон что знаешь! Молодец! Правда, Светка? Молодец у нас Андрюха? – возбужденно тормошил я детей.

- Молодец, - поджав губы, обронила дочь.

Я обнял сына за плечи, присел перед ним на корточки, и, глядя ему в глаза, сказал:

- Извини, брат, тут такое дело... Понимаешь, потерял я где-то эту книжку и не могу найти, а она мне очень нужна. Вот я и подумал, что, может быть, ты ее нечаянно взял...

- Не брал я ее! - вытирая слезы свободной рукой, отозвался сын.

- Вижу, вижу, что не брал! Извини, брат, извини! Ну, не сердись, не сердись! Не сердишься?

- Нет, – успокаиваясь, произнес сын.

- Ну и молодец! – сказал я, вставая.

Некоторое время я глядел на сына, не зная, что и думать. Случившееся было мало похоже на случайное совпадение, и от этого я испугался сильнее, чем, если бы у моего сына обнаружили, например, птичий грипп. Ну, хорошо, ладно - я: влип, так влип. Но зачем впутывать в это дело малых ребят? Совесть-то у НИХ есть?

- Пап, а когда ты ее найдешь – дашь почитать? – вдруг спросил сын.

- Обязательно дам, - стараясь выглядеть спокойным, ответил я. - Тебе – дам.

- А мне? – потребовала дочь.

- А тебе нельзя! Ты еще маленькая! – решил за меня сын, передавая сестре обиду, как эстафету.

- Ну и ладно! – мстительно сказала сестра, прищулив глаза. - А я все равно про тебя все знаю!

- Ошибаешься! Ничего ты не знаешь! Правда, папа?

- Не совсем, - ответил я, с трудом поддерживая игру. - Если тот, кто знает – ошибается, то тот, кто не знает – не ошибается. Значит, если наша Светка ничего про тебя не знает, то она и не ошибается.

- Значит, если она знает и ошибается, то она знает про меня неправду?

- Вот именно.

- Ну что? Слышала? – возликовал в сторону сестры Андрюха. - Врешь ты все! Ничего ты не знаешь!

- Нет, знаю, знаю! - заревела в ответ Светка, мешая рев со словами.

Теперь мне пришлось утешать дочь. Я достал платок, снова присел на корточки и принялся вытирать ей слезы, нашептывая ласковые слова и прижимая к себе мокрую мордашку. Дочка отталкивала меня, продолжая твердить одно слово:

- Знаю, знаю, знаю!..

- Ну, хорошо, ну, ладно, ну, скажи – что ты знаешь, - наконец сдался я.

- Луна вовсе не холодная, а синяя и красная! – проревела сквозь слезы Светка.

В голове моей что-то покачнулось, я отшатнулся и сел на землю.

Я сидел на утренней апрельской земле, отделившись от нее тонким слоем весенней куртки, и потел под розовыми лучами восходящего солнца на виду у моих потрясенных детей. Силы оставили меня.

Наверное, в первый момент это было смешно – сидящий на земле папа. Может, дети решили, что папа сел нарочно, чтобы их рассмешить. У дочери сквозь рыдания прорвался смех, а сын рассмеялся, не скрывая удовольствия. Однако когда отведенное для шутки время истекло, а папа продолжал сидеть, они почувствовали неладное и примолкли, приоткрыв рты и глядя на меня испуганными глазами.

- Папа, вставай! – наконец произнес сын. Он нерешительно подошел ко мне, подsunул руки под мышку моей отставленной руки и стал тянуть вверх. С другой стороны подошла дочь, заглянула мне в лицо и попросила:

- Папочка, вставай, а то заболеешь! Ведь земля холодная!

- Такая же, как луна? – через силу пошутил я непослушными губами и попробовал улыбнуться.

- Ну, папа, ну, вставай! – испуганно затормошил меня сын.

- Ну, папочка, ну вставай! – захныкала дочь.

Я почувствовал, что дети вот-вот разревутся, и собрался с силами.

- Все, все, встаю! Ну, не ревите! Ну, что за дети у меня – плаксы! – заговорил я, как можно тверже.

Повернувшись вокруг отставленной руки, я перекатился и встал на одно колено, затем подтянул и поставил рядом с ним другую ногу. Растопырив пальцы рук, я уперся ими в землю, как бегун на низком старте и медленно выпрямил ноги, а потом разогнул спину. Наверное, именно так впервые вставала на ноги та обезьяна, которая потом превратилась в человека. Теперь так встают с земли ее пьяные или побывавшие в нокауте потомки.

Я стоял на дрожащих ногах, бледный, потный и слабый, охваченный новым для себя ощущением физического бессилия. Вокруг меня хлопотали дети, стряхивая пыль с одежды.

- Вот молодцы! Вот спасибо! – едва шевелил я языком, пробуя гладить дрожащими ладонями их ускользающие головы.

- Папочка, а что это с тобой было? – спросила дочь.

- У папы просто закружилась голова! Правда, папа? – как всегда, опередил меня сын.

- Правда. Закружилась. Сейчас пройдет, – согласился я.

И действительно – все прошло так же внезапно, как и пришло. Слабость вдруг исчезла, силы вернулись и утвердили меня на земле. Убедившись, что порядок в голове восстановлен, я еще раз прошелся по одежде, стряхивая остатки пыли, и, возвращаясь к родительским обязанностям, затормошил детей:

- Ну, все, все! Хватит отдыхать! В школу опоздаем!

Дети послушно развернулись и, как утята зашлепали впереди меня. Сын несколько раз оборачивался, пытаясь начать разговор, но я подгонял его словами "Потом, потом, некогда!", и вскоре мы добрались до школы.

- Ну, все! Пока! – сказал я, когда мы уперлись в металлическую решетку, за которой располагалась школа.

Дети остановились и обернулись. Я подошел к ним, присел на корточки и поцеловал каждого из них в щеку.

- Ну? Пока? – сказал я, имея в виду "Ну, с богом!".

- Пока! – хором ответили мои любимые дети, вместо "Господи, помоги!" и радостно побежали навстречу ненужным знаниям. Я выпрямился, глядя им вслед.

"А ведь есть, кому на старости лет поддержать по пути за пенсией!" – с умилением осознал я. Потом повернулся и пошел туда, где можно поймать маршрутку, которая, возможно,

довезет меня до работы. Настроение резко ухудшилось. Я шел пружинистой походкой, злой и непредсказуемый, всем нутром сосредоточенный на последних событиях.

"Сволочи! - обозвал я, наконец, тех, кто за ними стоял. - Какие сволочи!"

Как ловко они все подстроили! Сначала этот дурацкий сон, потом сын произнес то, что он не должен знать, затем дочь сказала невозможное и, наконец, мое внезапное бессилие, будто кто-то погрозил мне пальцем! Какие еще случайности должны выстроиться в ряд, чтобы и без того прозрачный намек превратился в неопровержимое доказательство! Вот она, коварная неизбежность совпадений, рождающая печаль! Вот они, ЗНАКИ! Но что за способ общения ОНИ выбрали – через детей?! Для чего этот спектакль? Только для того, чтобы напугать малолетних ребят? Не слишком ли мелко для всемогущества? Или перебрали там у себя своей дури и веселятся? Или какой-нибудь идиот оттуда отрабатывает на нас, как на букашках технику идиотизма? Получается, что они могут двигать нами, как пешками? Выходит, это от их прихотей зависит наша жизнь, а вовсе не от нас самих? А мы-то сами тогда на что? Страшные люди! Или не люди? Эй, кто вы там на самом деле? Ладно, я понял, что вы поняли! Вижу, что вы сильны, как никто! Только, к чему эти загадки? Чего вам от меня надо? Чего привязались?

Дерзкие мысли, как снежный ком, неслись в моей голове, выхватывая из толпы и ставя в строй самые обидные слова.

"Эй, дружище! За такую наглость можно еще раз по башке схлопотать! Ты чего так нервничаешь? Ты хотел знаки – ты их получил! Теперь наберись терпения и не дергайся!" - вдруг сказал я самому себе, оборвав на полном ходу бег возбужденных мыслей. Слова прозвучали в голове так ясно и четко, что от неожиданности я растерялся.

"Это еще что за черт? Это кто такой умный дает мне советы? Неужели я сам? Неужели внутренний голос прорезался? А что? Почему бы и нет? Голос разума! Должен же он когда-то проснуться! Что я – хуже других? В конце концов, есть у меня инстинкт самосохранения или где? Да и сказано так, будто я сам сказал! Слова – мои! Да и мысль сама по себе верная! Полностью согласен! Так и надо действовать: набраться терпения и не дергаться!"

Люди врут всегда: когда они не врут другим, они врут себе. Именно этим я и занимался в данный момент, всячески не желая признаваться в том, что мысль мне могли внушить. Потому что если это так, то захвачен главный оплот моей независимости, мой командный пункт, мой бункер, мое убежище, моя башня из слоновой кости, мое одиночество. И кто я тогда? Всадник без головы? Голова без царя? Корабль без команды? Самолет без экипажа? Короче - безвольная игрушка в сомнительных руках!

Люди врут всегда...

Распаленный внутренней борьбой самовнушения с внушением, я добрался до нужного места и остановил маршрутку. Салон был полон, но одно место нашлось. Не успел я шагнуть внутрь, как водитель нажал на газ, и машина понеслась. Пригнувшись и цепляясь за выступающие части интерьера, я пробрался в хвост и пристроился рядом с пожилым дядькой брюзгливого вида. Покопавшись в кармане, я достал деньги и отправил их в чужой карман, попутно obeжав взглядом содержимое салона на предмет присутствия в нем подозрительных личностей.

На первый взгляд все было, как всегда: пассажиры, держась за что придется, раскачивали на ходу головами, подпрыгивали на кочках и дружно гнулись в ту сторону, куда шарахалась маршрутка. Избегая глядеть на других, они терпеливо и молча проживали отрезок жизни, длина которого равнялась количеству улиц до выбранной цели. В динамиках, как генетический код водителя похрипывал легкий блатничек.

У кого-то зазвонил мобильник. Сидящая напротив меня девица дернулась и достала из своих закров трубку.

- Алле. Скоро. Минут пятнадцать еще. Уже звонил? Ну и чё? Ничё? Да ты чё! Во, блин, дает! А вчера-то сам мне чё говорил! Во, нахал! А сестра говорит – всю ночь им спать не давал! Чё это с ним? – затахтела девица, не жалея чужих ушей.

Народ, как по команде, свернул головы в окна.

- Не говори! Ведет себя, как клочок бумаги на космическом ветру! – вдруг выдала девица.

Тут уж дернулся я. Да так, что толкнул плечом брюзгливого дядьку. Дядька завозился и забурчал. Не думая о том, что надо бы извиниться, я впился глазами в девицу, отыскивая в ее облике приметы коварного соучастия. Девица же, лаская глазами невидимого корреспондента, продолжала полоскать какого-то Ваську, которого черт угораздил запасть на ее голые коленки.

- Тоже мне – Дед Мороз в апреле! – бухнула девица.

"Ах ты, стерва тупая! Ах ты, клочок бумаги в проруби! И ты туда же!" – скрипнул зубами я, с ненавистью глядя на орудие пытки с накрашенными ногтями и деревенским акцентом.

- Да знаешь чё! Да пошел он, знаешь куда?! – взвыла напоследок девица и, не сбавляя оборотов, добавила в сторону водителя, - Мне тут, на остановке! – после чего сиганула вон. Пассажиры перевели дух.

Не успел я, однако, опомниться, как зазвонило вновь. На этот раз трубку достал сидящий спиной ко мне мужчина с аккуратно стриженным затылком.

- Я еду на маршрутке. Скоро буду, - сказал он культурным голосом. - Если может – пусть подождет. Нет, уговаривать не стану. Нет, не буду. Да мало ли что он хочет! Ты же знаешь - я уже давно ни во что не верю и ни на что не надеюсь. Только не надо мне не говорить, что я сплю и обречен!

Его слова вошли в меня, словно бур и там застряли. И дело было вовсе не в том, что он повторил мои мысли: ведь то же самое сделали мои дети и эта накрашенная дура! А дело было в том, как он это сказал: спокойно и убежденно!

"Да ведь это же... - ошпарило меня необыкновенной надеждой. - Да ведь это же, скорее всего, такой же бедолага, как и я!!"

Я даже забыл, что дал всему свету обещание ни на что больше не надеяться.

- Обожаю эти мобильники! Не надо в цирк ходить! Ох уж, эти девушки! Лучше бы они рот лишний раз не открывали! Вы знаете, тот, кто живет у раскрытого окна... - вдруг услышал я возле самого уха. Я вздрогнул и резко обернулся. На меня смотрел дядька-брюзга. От его прежнего выражения не осталось и помина: лицо расплылось в улыбке, глазки превратились в смеющиеся щелочки.

- Что? – машинально спросил я.

- Я говорю: тот, кто живет у раскрытого окна...

- Мне у светофора, пожалуйста, - услышал я в этот момент голос культурного мужчины с аккуратным затылком.

"Что? Кто? Где? Куда?" – заметался я меж двух мужиков, не зная, кто из них для меня важнее.

Машина заложила вираж - мужчина двинулся к выходу.

- Что - у окна? Кто - у окна? – схватил я соседа за плечо. - Ну, говори!

- У какого окна? – испуганно отшатнулся дядька, глядя на меня тупым небритым лицом.

Машина остановилась – мужчина вышел. Дверь закрылась - машина тронулась.

- Ну, ты сказал – "тот, кто живет у раскрытого окна"! А дальше что? – зверея от нетерпения, прошипел я ему в лицо.

- Не знаю я никакого окна! Нет у меня никакого окна! Чего пристал! Не, ну вы посмотрите! Окно, окно! Какое окно? – входил в раж поначалу ошалевший мужик.

Я навис над ним, сжав зубы от ненависти, едва удерживаясь, чтобы не заехать ему по роже. Дядька понял мое желание, вжался в сидение и прикрыл лицо рукой.

- Граждане! Помогите! – заныл он.

- Стой, кому говорю! – заорал я водителю.

Тот с испугу остановился, и я в обстановке всеобщего смятения вывалился наружу.

Не разбирая дороги, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться в галоп и жалея, что не прибил тупую небритую скотину из маршрутки, я ломился через людское ротозейство туда, где по моим расчетам мог находиться культурный мужчина.

По правде говоря, шансы найти его равнялись нулю. Лица его я не видел. Как одет - не разглядел. Но помнил закинутую назад руку с черной барсеткой, когда он, согнувшись, шел на выход. Ну и что – барсетка? Кто же из мужиков в наше новосодомское время не жеманится и не платит дань неистребимому пороку таким образом? Двинуться же он мог в любую сторону. Вот и выходит, что искать придется аккуратный затылок в стоге сена. Но попытаться необходимо. Тем более, что случай мой, судя по всему, был, действительно, редкий, иначе бы многие здесь сейчас бежали, размахивая руками, вытягивая шею и подпрыгивая на ходу, как я. Сколько мы успели отъехать – пятьдесят, сто, двести метров? Думаю, двести – максимум. Значит, где-то здесь.

Я осадил бег, остановился и стал озираться поверх чужих голов. Вокруг было оживленно, но не настолько, чтобы не различить в пестром потоке приличного мужчину с дамской сумочкой в руке. Если бы, конечно, он там был. Но его не было ни там, ни в другом месте. Нигде.

Еще бы - при таком количестве дверей, углов и поворотов! Сошел, свернул, нырнул - и ищи ветра в поле. Выскочил, проскочил, заскочил - и поминай, как звали. Где уж тут - среди такого моря бездельников, ротозеев и скучающих! Шагни в него, и оно тут же сомкнется, поглотив тебя вместе с особыми приметам. Я еще раз пожалел, что не дал в рожу небритому баламуту из маршрутки: имел бы сейчас хоть какое-то удовлетворение!

Остывающим шагом я дошел до угла массивного бурого здания, за которым, я знаю точно, начиналась и тут же заканчивалась уютная площадь, ну, скажем, Ленина, которую, однако, уже переименовали, но народ продолжал именовать по-старому.

“Да мне-то что... Пусть будет хоть площадь Барсеточников... Хоть Содомская... Хоть площадь Гоморры... Да хоть площадь Педер...” – заглядывая за угол, приготовился я плюнуть в бессмертную голубую душу и остоленел: за углом, метрах в трех от меня, прятался киоск печатных продуктов, а в окошко его, склонив голову и будто нарочно выставляя себя напоказ, заглядывал аккуратно стриженный затылок! В закинутой за спину руке он держал черную барсетку.

Это была неслыханная, невозможная и вместе с тем вполне заслуженная удача, если принять во внимание те безобразия, что творились со мной последние дни. Смена декораций оказалась настолько внезапной, что из глаз моих, не спрашивая разрешения, брызнули слезы. Напряжение этих дней отпускало меня, растворяясь в слезах и маршируя в мокром виде по чувствительным к дефициту радости щекам. Я торопливо достал платок и осушил следы непривычной мужской слабости. Вне себя от скорого счастья, я с умилением глядел в спину культурного гражданина, ожидая, когда он, словно судьба, повернется ко мне лицом. Или, хотя бы, боком. Что-то подсказывало мне, что в трех шагах, отставив поджарый зад в непростых штанах - слишком непростых, чтобы протирать их в маршрутках - стоит, ни о чем не подозревая, другая иголка из моего стога сена, а сам я - на пороге исторической встречи.

“Ну, дорогой ты мой, не подведи!” – воззвал я, как перекрестился, когда человек с барсеткой взял то, что ему просунули в окошко, положил в карман и вознамерился неторопливо пересечь тихую площадь. Я быстро догнал его и сказал ему в спину:

- Извините, можно вас на минуту?

- Да, да? – остановившись, обернулся он.

Несколько секунд мы молча рассматривали друг друга. Наверное, я рассматривал его на пару секунд дольше, потому что он не выдержал и сказал:

- Слушаю вас! Что вам угодно?

- Заранее извините, если это покажется вам странным, - невольно подхватил я его учтивый тон, вглядываясь в слишком правильные черты лица, - но тут такое необычное дело...

- Вы, наверное, хотите денег? – ровным голосом поинтересовался мужчина.

- Нет, ну что вы! – смутился я. - Разве я похож на бродягу?!

- Совершенно не похож! – согласился мужчина. - Тогда что же вы хотите?

- Ради бога извините, но это дело касается, возможно, и вас, и я подумал, что это будет вам интересно, потому и решил вас побеспокоить! – торопливо излагал я, не зная, как перейти от тумана к ясности.

- Вот как? Значит, ваше дело касается коммерции? – подозрительно спросил мужчина.

- Абсолютно не касается! – горячо заверил я.

- Что ж, тогда давайте где-нибудь присядем, и я вас внимательно выслушаю! - неожиданно легко согласился мужчина, и я, облегченно вздохнув, направился вслед за ним к ближайшей скамье.

- Ну? И что же у вас за дело? – глядя на меня, спросил он, как только мы уселись.

- Дело в том, что я ехал в той же маршрутке, что и вы, - начал я.

Мужчина удивленно приподнял брови.

- И что с того?

- А то, что вам позвонили, и вы во время разговора сказали одну фразу...

- Ах, вот вы о чем! – перебил меня мужчина. - Признаться, я и сам терпеть не могу телефонные разговоры на людях. Это полная бестактность. Надеюсь, прилюдные разговоры по телефону когда-нибудь запретят наравне с курением в общественных местах. Прошу прощения, если доставил вам неудобство. Так получилось. Еще раз прошу извинить. Это все? – добавил он, явно теряя ко мне интерес.

- Вы меня не поняли! – заторопился я. - Дело вовсе не в этом! Нынче все вокруг говорят, и здесь ничего не поделаешь!

- Тогда в чем? – приподнял брови мужчина.

- Вы сказали: “Я уже давно ни во что не верю и ни на что не надеюсь” Скажите, вы это сами придумали или где-то прочитали?

Я выпалил эти слова и сразу почувствовал, каким глупым должен показаться мужчине мой вопрос и каким назойливым дураком я сам. Мужчина, однако, смотрел на меня без осуждения, а скорее со спокойным удивлением.

- Так и сказал?

- Да, именно так.

Мужчина помолчал, а затем произнес:

- По правде говоря, я не совсем понимаю, чем вас могли удивить эти слова. Лично я не вижу в них ничего особенного. Именно так, по моему мнению, и должен рассуждать умудренный жизнью человек. Во всяком случае, я с этим вполне согласен и считаю, что мог, как вы выразились, придумать это сам. Хотя и мог где-то прочитать.

Мужчина говорил внушительно и доброжелательно, как всякий культурный человек, к которому на улице прицепился возбужденный прохожий. Окончив говорить, он остался сидеть, повернувшись вполоборота и глядя на меня в упор, словно предлагая непременно с ним согласиться.

И тогда я сказал:

- Все правильно. Только после этого вы сказали то, что знаю я один. Во всяком случае, так я считал до нашей встречи.

- Да? – улыбнулся мужчина. - И что же такого гениального я сказал?

- Вы сказали: “Только не надо мне говорить, что я сплю и обречен” – так же внушительно произнес я и, в свою очередь, уставился на него в упор.

- Неужели я мог такое сказать? – улыбнулся мужчина. - Но ведь это бессмыслица какая-то!

Глаза его насмешливо прищурились, но вместо того, чтобы попытаться избавиться от меня, он уселся удобнее. И тогда я рубанул со всего плеча, не заботясь, что он обо мне подумает:

- Скажите, вам приходилось поднимать с земли обгоревший кусок газеты?

- С объявлениями? – ничуть не удивившись, живо откликнулся мой собеседник.

- Да! – почти выкрикнул я.

- Приблизительно пятнадцать сантиметров на пятнадцать с наполовину обгоревшими краями?

- Да!! – почти завопил я.

- Нет.

- Что - нет?! – опешил я.

- Нет – это значит, не приходилось.

- Но откуда же вы знаете...

- Угадал.

- Но ведь это невозможно угадать!

- Значит, возможно.

И, глядя на мое лицо с отвисшей челюстью, добавил:

- Успокойтесь. Я понимаю, о чем вы говорите. Но мне ЭТО было доставлено другим способом.

- Каким? – тут же щелкнул я челюстью.

- Неважно. Не в этом дело.

- А в чем? – снова лязгнула растерянная кость.

- В том, что вы хотите узнать.

- Но я ничего не хочу узнать!

- Я и сам поначалу так думал, - невозмутимо сообщил мужчина.

- Слушайте, я ничего не понимаю! – взмолился я. - Кому и зачем я потребовался? Чего от меня хотят? Что я должен делать?

- Ждать.

- Чего ждать?

- Не чего, а что: знаки.

- Какие такие знаки?

- Для каждого они свои.

- А вы сами тоже ждете?

- В некотором смысле.

- Давно?

- Достаточно давно, чтобы перестать от этого переживать.

- Слушайте, вы говорите загадками! Ведь я вижу, что вы имеете опыт в этом деле!

Неужели нельзя мне все толком объяснить?

- Толком вам никто и ничего не объяснит.

- Но почему?

- Потому, что в этом деле нету толка.

- Как – нету толка?

- Нету толка в том смысле, как вы привыкли его понимать.

- Черт знает что! Но ведь это же бред какой-то! Если нету толка - зачем же морочить людям голову?!

- Чего вы так волнуетесь? У вас что-нибудь болит? На вас показывают пальцем? Вас выгоняют из дому?

- Пока нет, но все впереди!
- Успокойтесь, впереди у вас нечто другое.
- Что?
- Придет время – узнаете.

Отчаявшись разорвать завесу тайны, я, выставив локти, обрушил спину на колени, понурил голову и замолчал. Ситуация запуталась еще больше. Вроде бы есть у кого спросить, а яснее не стало. Одно из двух: или он сам ничего не знает, или запутывает меня умышленно. Дипломат хренов.

Я сказал:

- У меня масса вопросов. Я так надеялся, что вы мне на них ответите...
- Отвечу, но не сегодня. Кстати, вы говорили кому-нибудь о том, что с вами случилось?
- Нет.
- Правильно. Советую вам не делать этого. Иначе вас ждут неприятности с обеих сторон. Сказав это, мужчина встал.

- Вы мне нравитесь, но, к сожалению, я должен вас покинуть. Дела. Надеюсь, мы еще увидимся. На всякий случай, вот вам моя визитка. Звоните.

Он вынул из нагрудного кармана и протянул мне визитку, затем протянул руку, крепко пожал мою и не спеша удалился. Я стоял, держа визитку в руке и глядя ему вслед, неудовлетворенный и расстроенный. Когда его представительная фигура исчезла за углом, я поднес визитку к глазам. Это был обычный на вид кусок тисненого картона. У левого его края располагался логотип в виде длинного красного кувшина с двумя ручками. Середину кувшина опоясывала белая лента с вытесненными на ней черными фигурками и непонятными знаками. В центре визитки черным по белому было написано - Иванов Виктор Владимирович, АНТИ-КВАР. Ниже указан номер телефона: 777-0-666. Все.

Я пожал плечами, достал бумажник и сунул туда визитку. Что ж: Иванов, так Иванов. Антиквар, так антиквар. Как-никак, собрат по несчастью. И на том спасибо. Я еще раз пожал плечами, что соответствовало ответу компьютера: «На ваш запрос найдено ноль файлов», и двинулся ловить маршрутку, чтобы продолжить путь к рабочему месту.

9

Вот вам простой вопрос: чем один человек отличается от другого? Полем? Ростом? Весом? Лицом? Запахом? Зарплатой? Способностями? Мобильником? Ловкостью рук? И да, и нет, ибо всё перечисленное можно как приобрести, так и утратить. Потому что, кто обладает состоянием – должен опасаться. Влиянием – скрываться. Если у кого счастье - то обманчивое. Если талант - то посмертный. Изворотливый когда-нибудь застрянет, красота когда-нибудь завянет, сила когда-нибудь угаснет. И каждый когда-нибудь, да опечалится. Потому что все живущие рано или поздно сравниваются.

Главное отличие - это мегабайты нашего серого вещества, которые всегда при нас и крутят нами, как запахи собачим носом. Их количество и качество и есть наша настоящая цена, которая никогда, к сожалению, не совпадает с рыночной. Вот я, например, в данный момент стою никак не меньше миллиона долларов. А кто об этом знает, кроме антиквара Иванова? Никто. Обидно, черт возьми. Приблизительно так думал я, сидя спиной к водителю и глядя, как быстрые серые тени набегают на неподвижные лица моих новых соседей по маршрутке.

"Что знают эти люди? – думал я. - Только то, что видят их глаза и слышат их уши. Заглянуть внутрь себя они не способны. Что для них есть истина? Только то, что диктует им прямолинейная логика городской кухни. Логика кривых миров им недоступна. Что они могут? Заигрывать с гравитацией, кокетничать с законом Архимеда, насиловать трение, презирать инерцию? Самодовольные невежды! Если бы они знали то, что знаю я!"

Неразбавленный весенний аромат скользнул через приспущенное стекло водителя и опьянил меня. Гордыня вдруг овладела мной. Вырастая в плечах, я смотрел на случайных попутчиков, как адвокат смотрит на клиента, врач - на пациента, чиновник - на просителя, кандидат - на избирателя, вор - на фраера. "Если бы они знали то, что знаю я!" - распухая от важности, обращал я в условный капитал мои недавние страхи.

"Все-таки, скользкий тип этот Иванов, - утешив самолюбие, вернулся я к подробностям чудесной встречи, - Ничего конкретного. Сплошной туман. Только и сказал: "Жди, сам все узнаешь". А между прочим, знал про меня то, что не должен был знать!" - массировал я свое недовольство, растирая и пощипывая. - Что-то я не заметил, чтобы он мне обрадовался. Или он таких, как я каждый день встречает? Да и признался подозрительно быстро. А ведь мог поднять на смех и культурно свалить. И лицо у него слишком правильное. Не наше лицо. И ушел быстро. Вот я, например: если бы ко мне подвалил такой же бедолага, как я сам - неужто бы я стал торопиться по делам? Неужто бы не отвел душу? Нет, конечно, он в курсе, вопросов нет. Но уж больно деловой. Подумаешь - антиквар хренов!" - брюзжал я, как бывший член Политбюро в доме престарелых.

И все же польза от встречи была. И немалая. Взять хотя бы факт наличия сообщника. Еще утром я и мечтать о нем не мог. И вдруг - нате вам! Сообщник собственной персоной! С такой же бедой, но жив, здоров и прекрасно выглядит! Опять же, если есть один, значит, есть и другие! А в компании и сам черт не страшен! Значит, живем! Это ли не главное утешение? А в остальном, рано или поздно, разберемся. Надо ждать - будем ждать.

Так думал я, пока мы ехали. Мы ехали - я думал. Телефоны молчали, и я своими думами наполнил салон по самый люк. Устав думать, я скосил глаза в окно. За окном завилал город. Манекены в витринах оживились, протянули ко мне руки и закрутили головами вслед. Одноэтажная коммерция - распродажная девка в цветах яркой помады и с запахом чужого успеха - спешила попасть на глаза. Это город. Территория сердечного согласия выхлопной трубы и флакона духов. Место неожиданных встреч и утомительных расставаний. Лабиринт капризов и канализация желаний. Сковарка чувств. Микроволновка отношений. Духовка разочарований. Мясорубка дней. Кухня нашей жизни. Это город.

"Э-э! Да ты, брат, никак, философом стал!" - похлопал я себя по плечу.

Не успел я, однако, подивиться проклюнувшейся наклонности, как в моем кармане впервые за утро зажужжал телефон. Я извлек его на свет божий и подобрался. Народ изобразил равнодушие.

- Алле-у! - громко представился я и стал слушать секретаршу Светочку, которая без точек и запятых принялась жаловаться, что без меня им не заработать всех денег. Я слушал, отставив трубку, поводя глазами и кривя рот в ее сторону, всем видом показывая почтенной публике, с кем приходится работать.

- Между прочим, на свете есть вещи поважнее денег! - покончив с контактом, внушительно довел я до сведения глазющей общественности, после чего приказал: - Шеф, тормози!

Шеф затормозил, я приехал.

Что-то со мной произошло. Я никогда не вел себя на людях так развязно.

10

"Сколько событий за одно утро", - подумал я, подходя к двери, ведущей в здание, где располагалась моя контора.

Всякий, кто открывал эту дверь, сразу понимал, что это не простая дверь, а бизнес-дверь. И, открыв ее, попадал не просто в вестибюль, а в бизнес-вестибюль. Отмерив десять ступенек вверх, он проходил мимо бизнес-мордovorота из охраны. Навстречу ему следовали не просто мужики и гражданки, а бизнесмены и бизнес-леди, потому что это вам не какая-нибудь безы-

мянная недвижимость, а бизнес-центр. Здесь на всём, от плинтусов до тугих воротничков и накладных ресниц, лежала печать евроремонта. Ковролин глушил шаги, ритуал принуждал к улыбке, переговоры затачивали манеры. Деньги, как перелетные птицы, останавливались здесь на отдых. Некоторые задерживались. Остальные летели дальше.

Среди стойкого запаха кофе я проследовал к себе на четвертый этаж. Было около одиннадцати. Я, конечно, опоздал, но для грусти не было причин, поскольку служил я руководителем группы и мог себе позволить небольшое отклонение в рамках рабочего дня. И потом, какая грусть, если я был наполнен новым содержанием минимум на миллион долларов! Откровенно говоря, что я вообще здесь делаю?!

"А ведь и правда – сколько событий за одно утро!" – снова подумал я, открывая дверь комнаты, где должны были находиться мои подчиненные Саня, Ваня и Маня – простые русские ребята с древними греко-еврейскими никами. И они там находились. Все трое. Они сидели вокруг стола и в мою сторону даже ухом не повели. Возможно, пили чай и увлеклись.

- Привет! – сказал я, снимая куртку, - Как наши дела?

- ...сотовая структура с колебательностью перпендикулярно поверхности существует на границе проявленности. При этом колебания различаются только фазой, и из них вдоль поверхности рождается протяженность, - сказал в ответ Ваня, глядя на Саню.

- Чегочегочего? – застыла на полпути к вешалке моя рука с курткой.

- Колебания сот есть проявление того, что мы логически воспринимаем как время, а протяженность воспринимается нами как эмпирическое пространство, - добавил Ваня, не обращая на меня внимания.

Наступило молчание. Нашупывая пальцами крючок вешалки, я смотрел на компанию, пытаюсь разглядеть на столе что-нибудь книгообразное, откуда бы Ваня мог зачерпнуть эти чудные слова. Вряд ли он сам понял даже миллионную часть того, что сказал. Так же, кстати, как и я. Потому что это был Ваня, любимыми выражениями которого были «Не держите меня за папуаса!» и «Вот тут-то мы их и оденем в лапти!» Но с какой стати Ивану понадобилось биться головой о гранит науки? Ему, простому менеджеру торговой компании?

В этот момент подал голос Саня, интеллектуальный близнец Вани:

- Вы правы, коллега. Ваши представления особенно репродуктивны при переходе в атемпоральную плоскость анализа. Ведь тогда срез описываемой вами структуры будет проходить по темпоральным оболочкам хроноквантовых континуумов, связанных в единую жесткую последовательность механизмами усиления квантовой макрозапутанности.

Все сказанное Саня буквально не произнес, а пропел. Пропел то, что нормальному человеку даже прочитать без запинки невозможно. Я сделал два шага по направлению к столу. На меня по-прежнему не обращали внимания.

- И тут мы в очередной раз возвращаемся к вопросу: что дает такая интерпретация для понимания физического смысла сингулярности артефакта биг-банга, - проворковала Маня.

- Вы тут чем, блин, без меня занимаетесь?! - начал было я, но Ваня не дал мне закончить.

- Как мне думается, дело вовсе не в бесконечно большой массе, поскольку до биг-банга ее вообще не существовало, кстати, как и времени, потому что в момент минус ноль в данной области Хаоса не существовало локальности в принципе. Биг-банг и есть кавитационный хлопок локальности.

Тут я зачем-то встал на цыпочки и крадучись подошел вплотную к столу. Теперь все трое были мне хорошо видны. Ребята сидели прямо, положив расслабленные кулаки на край стола. Никаких книг на столе не было. Ваня не мигая смотрел на Саню, Саня – на Маню, Маня – на Ваню. Лица их были совершенно безучастны, взгляды неподвижны.

Я хотел тронуть Ваню за плечо и что-то сказать, но вдруг испугался и отступил от происходящего на шаг. Боже мой! Они что, сошли с ума?

- Уважаемый коллега! Если, как вы говорите, в протосингулярности не существовали масса и время, то можно предположить существование там бесконечного множества Вселенных более низкой размерности, и, следуя вашей логике, можно предположить, что всякая физическая величина рождается из сингулярности, когда материальные объекты физической реальности формируются через трансструктуру информационного диполя, - сказал Саня.

В этот момент дверь открылась, и в комнату с папкой в руке влетела непосредственная секретарша Светочка с ярким намерением что-то сообщить. Открыв для этого рот, она вдруг остолбенела, взгляд ее сделался бесконечным, и она громко провозгласила:

- И не забудьте, что все зависит от того, где находится точка восприятия и наблюдатель! В классической физике они находятся на дискретном полюсе – отсюда упор в величинность и воспроизводимость!

Далее терпеть это коллективное сумасшествие я уже не мог. Я почувствовал, что еще немного и тронусь сам. В отчаянном порыве я сделал единственное, что мог: оглушительно хлопнул в ладони и крикнул:

- Прекратить! Прекратить, я сказал!

Сумасшедшие на мгновение напряглись и... обмякли. Первой опомнилась Светочка.

- А, так вы уже пришли! Идите скорее, вас шеф зачем-то зовет!

И выскочила в коридор.

Мои ребята, как ни в чем не бывало, вставали из-за стола, превращаясь в себя, родимых.

- Только не надо держать нас за папуасов! – первым делом сказал Ваня.

- Вот тут-то мы их и оденем в лапти! – подхватил Саня.

- Мальчики, вы обедать идете? – проворковала Маня.

- Привет! Ну, что вы тут без меня заработали? – нервно рассмеялся я.

И мои подчиненные, глядя на меня, хором ответили:

- Между прочим, на свете есть вещи поважнее денег!

11

- Шеф, так мы того? На обед? – спросил-сказал бойкий Иван, большой любитель управлять событиями.

- Рановато будет, - собрал я переносицу в складку, а затем будто нехотя согласился, желая на самом деле поскорее остаться один. - Ну, да ладно, бог с вами.

Участники группового гипноза тут же исчезли за дверью, наполнив коридор молодыми удаляющимися голосами. Я подошел к окну.

"Подождет Хотябыч", - подумал я.

Хотябычем мы звали нашего директора за неумеренное употребление выражения "хотя бы". Рассеянно глядя в окно, я предался ставшему уже привычным делом процессу размышления.

"Что верно – то верно: есть вещи поважнее денег. Для меня, во всяком случае. Какие уж тут, к черту, деньги. Только успевай уворачиваться. Теперь вот этот очередной балаган. Интересно получается: с некоторых пор все, с кем я вольно или невольно общаюсь, оказываются, сами того не подозревая, участниками дурацкой пьесы. Хотя между нами есть разница: я знаю, что мы уже на сцене и на нас смотрят, они – нет. Надеюсь, это не причиняет им неудобство. Мне-то ясно, кто устроил этот цирк. Что ж, эффектно поставлено, спору нет. Только вот опять позволю себе дежурный вопрос: зачем? Если хотели повысить мой интеллектуальный уровень – зря старались: я ни слова из этой галиматии не понял и уж тем более не запомнил. Хотя, конечно, какой-то смысл, какой-то знак эта сцена несет, как и все предыдущие. Ведь именно они, в конце концов, привели меня к антиквару Иванову. Значит, и эта куда-то ведет? Может,

прав антиквар, и надо просто ждать и не задавать лишних вопросов? Но для чего и для кого тогда весь этот набор ученых слов?"

Я продолжал смотреть в окно, шевеля извилинами, как сведенными за спиной пальцами. Внезапно я насторожился. Мне вдруг показалось, что позади что-то происходит. Я резко обернулся. Никого. Все вещи были на своих местах, но выглядели словно неживые. Тишина стояла невероятная. Ни гудения дневных ламп, ни ровного гула воздуха в трубах вентиляции. Погасли мониторы, не работали компьютеры. Неожиданно стемнело. Я снова обернулся к окну. Небо, еще полминуты назад ясное и прозрачное, закрылось густой плотной тучей, от которой впору отрезать куски. Улица внизу опустела. Ни машин, ни прохожих. В парке через дорогу буйный ветер молча гнул к земле деревья, поливая их стеной дождя. В небе пару раз гроыхнуло.

"Гроза? В апреле? Откуда она взялась?" – спросил я с наивным недоумением у самого себя.

Комната погрузилась во мрак. Я решил выглянуть в коридор и направился к двери. Но что за черт? Я шел, но дверь не приближалась. Я энергично двигал ногами, но ни один предмет вокруг не менял своего расположения. Я рвался вперед, и, тем не менее, оставался на месте! Не успел я по-настоящему испугаться, как мир вокруг меня вдруг снова стал прежним. Засияло солнце, мрак рассеялся, предметы ожили, заработали компьютеры. Зазвонил телефон. Я снял трубку.

- Ну, ты где пропадаешь? Я же тебя жду! Хотя бы позвонил! – услышал я голос Хотябыча. Я совсем про него забыл.

- Иду, иду, Михал Семеныч! – торопливо ответил я и устремился на зов начальства.

Пробежав с десяток шагов по коридору, я влетел в приемную. Секретарша Светочка, увидев меня, напряглась.

- Ну, что же вы! Я же вам говорила!

- Конечно, конечно, Светуля! Конечно, говорила! Кстати, грозу видела?

- Какую грозу? Когда? – удивилась Светочка.

- Как когда? Только что! Ну, вы здесь совсем заработались! Некогда в окно выглянуть! – шутил я, направляясь в кабинет директора.

Светочка проводила меня подозрительным взглядом.

- Здравствуйте, Михал Семеныч! Вы уж меня извините, пожалуйста! Задержался на минутку! Слушаю вас внимательно! – растопырив руки, демонстрировал я свою вину.

- Какая минутка, Виктор! Ты на часы хотя бы изредка смотришь? Я уже пообедать успел! Где тебя черти носят?! Ты хотя бы предупреждай, когда уходишь! – по-свойски стал мордовать меня Хотябыч.

- Так ведь я... это... прибежал, и как только Света сказала – сразу к вам!

Я отвернул рукав и продемонстрировал часы.

- Вот, пожалуйста, одиннадцать двадцать! А я прибежал в одиннадцать! Задержался в одном месте. Пока с ребятами пообщался, то да се...

- Какие одиннадцать двадцать, Виктор?! Ты свои часы хотя бы иногда заводишь? Сейчас уже три часа дня! – взвился Хотябыч.

- Чегочегочего? – опешил я, - Какие три часа дня? Когда? Почему три часа? Вот же на моих – одиннадцать двадцать одна! Идут! – засуетился я, прикладывая часы к уху.

- Не знаю, что у тебя за часы, но, на всякий случай, выбрось их и купи новые! Деньги на новые хотя бы есть?

- Чего? Деньги? Есть! – машинально ответил я, глядя на часы, как баран на новые ворота.

- Вот и купи! А эти выбрось! Ладно, садись. Рассказывай, что у нас там с Подольским заводом!

- Три часа! Почему три часа? А у меня одиннадцать двадцать! Как же так? – бормотал я, нащупывая задницей стул и усаживаясь.

- Ну, ладно, ладно! Наверное, девушку молодую завел, вот и не замечаешь времени! - выговаривал добрый Хотябыч, приготовившись слушать.

Запинаясь и путая слова, я изложил ему ситуацию с заводом, куда мы через месяц должны были поставить вентиляционное оборудование. Хотябыч слушал, задавал вопросы, но я был рассеян и отвечал невпопад.

- Что-то ты сегодня не такой, как обычно. Случилось что? – спросил он, совсем как моя жена.

- Нет.

- Ладно. Не хочешь, не говори. Но за процессом хотя бы следи.

- Есть хотя бы следить за процессом! – вскочил я, пытаюсь дурашливостью компенсировать нерасторопность.

- Давай, Виктор, действуй! – махнул директор рукой в сторону выхода, и я с облегчением выскочил из кабинета.

- Светочка, скажи, сколько на твоих золотых натикало? – первым делом спросил я у секретарши.

- Пятнадцать часов двадцать минут пополудни! – откликнулась Света.

Я вышел и тихонько закрыл за собой дверь.

Вернувшись к себе, я снова подошел к окну. За окном пылало солнце, неслись машины, кипела чужая жизнь. Я переставил время на своих часах. Пятнадцать двадцать одна. Где-то там, в голубой дали безвозвратно растворились четыре часа моей жизни. Кто украл мое время? Может, антиквар? А может, в суете странных событий я их просто не заметил? Ведь я и в правду с утра ни разу не взглянул на часы. В коридоре послышался шум, дверь открылась, и в комнату, огласив ее возбужденными голосами, вошли Ваня, Саня и Маня.

- Виктор Петрович, вы не представляете, в какую грозу мы попали! – с порога зашебетала Маня, раскрывая зонтик и отставляя его в сторонку.

- Да, давненько я не видал такой грозы! – солидно подтвердил Саня.

- И между прочим, если бы не я, то народ бы промок насквозь! – подчеркну свою руководящую роль Ваня.

- Вы где были? – довольно грубо прервал я поток впечатлений.

- Как где? На обеде! Вы же сами разрешили! Немного задержались: грозу пережидали! Могли же промокнуть насквозь! – с некоторой укоризной доложил Ваня.

- Немного? До трех часов?

- До каких трех? – изумился Иван. Остальные округлили глаза.

- А сколько сейчас, по-вашему?

- Двенадцать часов пять минут, - первой сообщила Маня, вскинув к глазам запястье.

- Двенадцать ноль три, - сообщил Иван секундой позже, проделав то же самое.

- Да, точно, около двенадцати, - подхватил Саня, роясь в карманах в поисках трубки, которую использовал в качестве часов.

Я отогнул рукав и взглянул на часы. Двенадцать ноль четыре. Теперь пришла моя очередь изумляться. Да что же это такое? Как это понимать?

- Так ведь и я им говорил - одиннадцать двадцать, а они!.. - не сдержался вдруг я, но вовремя прикусил язык.

Ребята стояли у порога, словно ожидая прощения.

- Значит, это у меня неправильно идут. Бывает, - наконец сказал я.

В этот момент в комнату с папкой в руке вошла секретарша Светочка и сказала:

- А, так вы уже пришли! Идите скорее, вас шеф зачем-то зовет!

- Уже иду, - сказал я в сторону Светочки, а в сторону Ивана добавил: - Так. Ладно. За работу. Вернусь – расскажешь, что у нас с Подольским заводом делается.

Войдя вслед за Светочкой в приемную, я спросил ее, готовый в любой момент прикинуться дурачком:

- Светуля, сколько на твоих золотых натикало?

- Двенадцать часов восемь минут пополудни, - как ни в чем не бывало, отвечала Светочка.

Мне стало жарко. Кто-то из нас двоих точно больной на голову. Кто? Ну, конечно, я. Совсем больной. Зайдя в кабинет, я остановился у порога и на всякий случай сказал:

- Здравствуйте еще раз, Михал Семеныч!

- А-а! Виктор! Привет! Как дела? Проходи, садись, чего ты там встал?

Я прошел и сел.

- Как поживаешь? Личная жизнь как? Девушку молодую еще не завел? Ну и правильно! Жена прежде всего! Ну, давай, рассказывай, что у нас там! С чего начать? Ну, начни хотя бы с Подольского завода.

И я, путаясь и запинаясь, описал Хотябычу ВТОРОЙ РАЗ ЗА ДЕНЬ ситуацию с Подольским заводом, куда мы должны были через месяц поставить вентиляционное оборудование.

12

Остаток рабочего дня я был встревожен и никак не мог сосредоточиться. Регулярно проверял часы, спрашивая время у разных людей, и каждый раз перед ответом невольно втягивал голову, ожидая подвоха. И хотя мое время почти в точности соответствовало чужому, я, наконец, не выдержал, нашел предлог и сбежал с работы. Торговать вентиляционным оборудованием в таком состоянии было выше моих сил. Мои часы на тот момент показывали половину пятого, Ванины - шестнадцать двадцать девять, Манины – четыре часа тридцать одну минуту и что-то около этого мерещилось Сане.

Я выскочил на улицу и зашагал в сторону метро, не замечая прозрачных приглашений весны поучаствовать в празднике полового томления. Будь это моя прежняя жизнь, я бы, не задумываясь, расстегнул молнию, распахнул полы, замедлил шаг, подставил солнцу лицо и шел бы с глупой улыбкой навстречу согражданам, не возражая, если бы кто-нибудь из них захотел меня обнять. Но той прежней жизни уже не было, а будущая была покрыта таким мраком, что ни расстегиваться, ни обниматься совершенно не хотелось.

"Без сомнения, - говорил я себе, - ко мне прицепились весьма могущественные силы. Даже более могущественные, чем я думал. Потому что одно дело – заставлять говорить окружающих меня людей, и совсем другое - так весело и непринужденно жонглировать временем. Продолжай они действовать в том же духе, и моя жизнь превратится в запутанный клубок событий, в котором не разберется сам черт, а не то, что моя бедная голова..." - думал я, крутя себе навстречу серую ленту тротуара в белых разводах соли.

Мои ноги, которым в отличие от головы думать было некогда, несли меня и несли и, наконец, донесли до последнего перекрестка перед спуском в метро, где и остановились, пережидая красный свет.

- Что за чудесная погода! – сказал, ни к кому не обращаясь, стоящий рядом со мной мужчина.

Я покосился на него и промолчал.

- Не понимаю, как можно грустить в такую погоду! – продолжал настаивать сосед.

Я отвернул голову и встретился взглядом с женщиной средних лет, глядевшей на меня во все глаза.

- Да это же Виктор Петрович! – вскрикнула она, не спуская с меня глаз. - Сам Виктор Петрович!

- Где, где? – раздалось со всех сторон. - Не может быть! Сам Виктор Петрович! Как это может быть? Что - он вот так просто гуляет по улице? Один? Не может быть! Дайте, дайте

на него посмотреть! Виктор Петрович! Живой Виктор Петрович! Дорогой Виктор Петрович! Нет, невозможно! Я сейчас умру от счастья! – неслось отовсюду.

Вокруг образовалась толпа. Ко мне тянулись руки. Они трогали меня, как горячий чайник и прятались, уступая место другим. Я стоял, ничего не соображая, затравлено глядя по сторонам.

- Виктор Петрович, дорогой вы наш, я первая вас увидела! Дайте мне автограф, пожалуйста! Ведь я деткам расскажу – не поверят! – кричала мне в лицо женщина средних лет.

- И мне! И мне! И нам, пожалуйста, Виктор Петрович! Ну, пожалуйста! – кричали вокруг.

Сквозь толпу протиснулся милиционер. Он почтительно отдал честь и сказал:

- И мне, пожалуйста, уважаемый Виктор Петрович!

- Да что здесь происходит? – наконец выговорил я в сторону милиционера. - Вы меня, наверное, с кем-то путаете!

- Никак нет, не путаю! Вы же Краснов Виктор Петрович?

- Да! - совершенно ошалев, подтвердил я. - Но только я никакая не знаменитость! Вот, могу документы предъявить, - бормотал я, роюсь в карманах в поисках паспорта и чувствуя, как мою куртку дергают со всех сторон.

- Какие документы?! Что вы, Виктор Петрович?! Да меня со свету сживут! Проверять документы у самого Виктора Петровича! Эй, вы, там! – закричал он кому-то за моей спиной:

- Не налегай, не налегай, кому говорю!

Милиционер, одной рукой отталкивая от меня особо ретивых, другой протянул мне блокнотик, прижимая к нему большим пальцем ручку. Я взял блокнот с ручкой и расписался.

- Не верю своему счастью! - с достоинством сообщил милиционер, принимая их обратно. И заорал на ближний круг: - А ну, руки прочь! Прочь руки от Виктора Петровича! Стрелять буду! – и стал расстегивать кобурю.

- Нет, нет, что вы! – схватил я его за руку. - Не надо стрелять, я подпишу! Всем подпишу!

- Виктор Петрович всем подпишет! – тут же сообщил милиционер, вставая на кирзовые цыпочки. - В очередь! Все в очередь! Ну-ка, в очередь, кому говорю!

Клубок тел вокруг меня тут же сложился в спираль, спираль распрямилась и образовалась очередь метров на двести. Я по-прежнему стоял у светофора. Рядом со мной, держа руку на расстегнутой кобуре, грозно хмурился милиционер. Плохо соображая, я торопливо расписывался на том, что мне совали, и возвращал назад, работая руками, как рычагами.

Неожиданно возле нас скрипнул тормозами лимузин. Из него выскочили четыре строго одетых человека, оттеснили от меня очередь и милиционера, и один из них, открыв дверцу, почтительно сказал:

- Прошу вас, Виктор Петрович!

Не говоря ни слова, я влез в лимузин. За мной влезли остальные четверо, и старший спросил:

- Куда прикажете, Виктор Петрович?

- Домой! – не задумываясь, ответил я.

Автомобиль тронулся, и я успел только заметить милиционера, отдававшего честь вслед удаляющемуся лимузину.

Ехали молча.

- Это ведь черт знает что! – наконец вырвалось у меня.

- Виноват, не углядели! – с готовностью признался старший. Остальные молчали, глядя перед собой.

- И что теперь?

- Виновные будут наказаны, - твердо сказал старший.

- Не надо никого наказывать, - попросил я.

- Слушаюсь, - ответил старший.

- Где мы? – спросил я, пытаюсь рассмотреть окрестности через темное стекло.
- Подъезжаем, - сообщил старший.

И действительно, машина остановилась. Старший выскочил, открыл дверь, и я вылез наружу. Мы находились возле моего дома. Я постоял, переминаясь с ноги на ногу и, наконец, сказал:

- Ну, я пошел. Спасибо вам.
- Рады стараться! – ответил старший, занял место внутри, и лимузин исчез за углом.
- ...твою мать! – провожая его глазами, прошептал я, как это принято в нашей удивительной стране, когда тебя переполняют невыразимые чувства. Потоптавшись еще немного и бормоча слова приблизительно того же содержания, я поднялся к себе на четвертый этаж.

Дома никого не было. Стараясь не давать воли чувствам, я принялся бродить по квартире, скользя потерянными взглядами по обстановке и не зная, на чем остановиться. Вдруг на глаза мне попался телефон. Да! Именно! Вот то, что мне сейчас нужно! Конечно! Надо позвонить антиквару и рассказать ему про этот балаган, который творится вокруг меня, и в котором я не нахожу никакого смысла! Конечно, он скажет, что смысл искать бесполезно и что надо ждать, и что все впереди, и прочую ерунду. Ну и ладно. И так понятно. Главное, поговорить с товарищем по несчастью, душу отвести. А, может, все-таки, удастся узнать что-то новое? Я схватил трубку и набрал номер, который запомнил с первого раза. Еще бы, не запомнить: 777-0-666. И дурак запомнит!

Я услышал длинный гудок, потом второй, третий, потом в трубке щелкнуло, и автоматический женский голос сказал:

- Набранный вами номер не существует.

Как же так? Я что, набрал не тот номер? Я подождал и набрал снова. Тот же голос поздравил меня с тем же самым. Я достал визитку, убедился, что с моей стороны сделано все правильно и набрал в третий раз. Теперь в трубке щелкнуло после пятого гудка, и женский голос сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.